

Книга о вкусной и здоровой жизни

Известия. — 1999 — 2 марта. — с. 7

Андрей Кончаловский обнародовал вторую часть своей исповеди

Юрий БОГОМОЛОВ

В порядке догадки

Первая часть дилогии Андрея Кончаловского называлась «Низкие истины» и выпущена была в 1998-м. Вторая — «Возвышающий обман» — датирована нынешним, 1999 годом.

От того, что автор разорвал слитную пушкинскую строку «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман» на две половинки, каждая из которых дала название отдельной книге, возникло впечатление, будто он ставил себе задачу отделить низкий быт своей жизни от ее возвышающего искусства.

Но и в «Низких истинах» оказалось немало возвышающего обмана. А в «Возвышающем обмане» мы легко обнаружим бездну «низких истин»: у кого с кем был роман, кто и когда был «пьян в дупель», браки, разводы, скандалы, закулисье фильмов, фестивалей и прочее в том же духе.

Самораздвигания, стало быть, довольно в обеих книгах. Просто во второй больше того, что называется «творческой кухней» художника, — суждения о фильмах, своих и чужих, философские размышления, эстетические декларации, соображения о том, о сем...

Вторая книга — большое подспорье для биографов режиссера и просто для историков кино. В ней есть вполне достоверные свидетельства о том, как та или иная кар-

тина известного режиссера замышлялась, из какого сора она росла, как претворилась в жизнь, у кого из великих кинематографического мира сего черпалось вдохновение, где автор позаимствовал тот или иной прием, ту или иную композицию...

Пожалуй, что Кончаловский отнял хлеб у своих биографов. Он сам решил эту задачу. И притом, как мне кажется, наилучшим образом.

Другое дело, что этим не исчерпывается содержание дилогии.

С открытыми картами

Если ничего не знать о герое и авторе повествования, никогда не видеть его фильмов, не слышать довольно частых с ним телеинтервью, то по книге, хоть по первой, хоть по второй, хоть по отдельности, хоть в купе, легко составить достаточно полное представление о нем. Это легкий, везучий, несомненно талантливый человек, довольно эгоистичный, но незлобивый и незлопаметный; со вкусом к жизни, а также с волей к ней. Он часто влюблялся, и нечасто ему отказывали во взаимности; он никого не обманывал, всем благодарен. И все (или почти все) ему благодарны.

Автопортрет вышел красочным и убедительным. Можно было бы сказать — документальным, если бы не одна оговорка автора: «Так вот, все, что я пишу о себе, — это то, что я хочу (курсив А.К.), чтобы вы про меня знали.»

Карты, стало быть, открыты; играем в такую литературу, цель кото-

рой в первую очередь — произвести впечатление. Значит, все написанное автором — это в какой-то мере беллетристика, густо замешанная на автобиографическом материале.

Стоит обратить внимание еще на одно авторское предупреждение. В самом начале повествования он не гарантирует, что будет абсолютно правдивым, но твердо обещает «избегать лжи», подчеркивая, что это не одно и то же. Разница должна стать в конце концов понятной и читателям.

До боли знакомые лица

Сейчас довольно выбрасывается на книжный рынок автобиографий наших современников с претензией на исповедальную обнаженность, на историческую достоверность, с непременным привкусом скандальности. И у Кончаловского всего этого в достатке, и даже с некоторым перебором.

Безотносительно к оценке вклада режиссера в мировую кинематографию, сочиненный им труд — легкое и даже вполне занимательное, а местами и вполне поучительное чтение. «Возвышающий обман» в связке с «Низкими истинами» — это нечто вроде очередного двухсерийного фильма самого Кончаловского. Пускай еще не поставленного, но уже легко представимого в деталях и в целом. Для него автор и название придумал — «Воспитание эгоиста».

Как некогда говорил Рене Клер,

фильм придуман, записан — осталось его снять. В неснятом фильме Кончаловского видна не только его будущая стилистика — крутая смесь демонстративной условности с документальной фактурой, — но и его конструкция. В последней нетрудно разглядеть кальку с феллиниевских «Восьми с половиной». Тот же хоровод любимых в разные годы и с разной силой женщин, доставивших Андрею Кончаловскому (Гвидо Ансельми) массу удовольствий, хлопот и прочих последствий. Есть своя Сарагина. Ответственная роль последней по времени Жены — «синеглазой Ирины». Отдельно существует образ Мамы, к которой наш герой снова и снова возвращается. В стороне некий вымышленный образ чистоты, красоты, витальной силы. Как Клаудиа у Феллини.

У Кончаловского — Она, без собственного имени. Она — вымышленный образ. Так — в тексте. В иллюстративном разделе книги помещена Ее фотография. И сообщено Ее имя — Юлия.

Это — не противоречие, это — довольно распространенный эстетический принцип, согласно которому символизму, приправленный толикой документальности, сообщает сочинению особую художественную пикантность — низкая истина в обрамлении возвышающего обмана.

О несходстве сходного

Гипотетический фильм Кончаловского населен довольно плотно.

Как «Восемь с половиной». Много друзей, еще больше приятелей, попадают под доброту, злобные критики, патроны-функционеры, недруги... Иногда недруги скрытые, подобно Василию Аксенову или Юрию Нагибину.

Но, как и в знаменитом финале феллиниевской ленты, автор в конце концов всех обнимает — в фигуральном, разумеется, смысле: «...Если бы меня спросили, от чего в своем прошлом я хотел бы отказаться, я предпочел бы оставить все...».

Только предлагается иное кинематографическое решение: не арена цирка под открытым небом, где все встречаются, а некий символический прыжок, длящийся мгновение и всю жизнь. В обнимку с любимой девочкой и со всеми знакомыми.

В чем, однако, два повествования различаются более существенно, так это в уровне драматизма.

Феллини мало было бежать лжи, ему надо было доискиваться правды. А Кончаловский, обнаружив свою жизнь распавшейся на фрагменты, на подробности, занят в основном самооправданием перед вечностью. «Счастливы люди, — замечает он, — у которых совесть скромно зажимуривается и увертливо находит себе оправдание. Таков я, в частности».

Оправдание себе Кончаловский находит в том, что жизнь — прекрасная штука; влюбленность — замечательное состояние, чув-

ственные радости — ни с чем не сравнимое удовольствие и т.д.

Разумеется, тут возникает вопрос: не вульгарный ли это эгоизм и не сплошное ли это себялюбие?

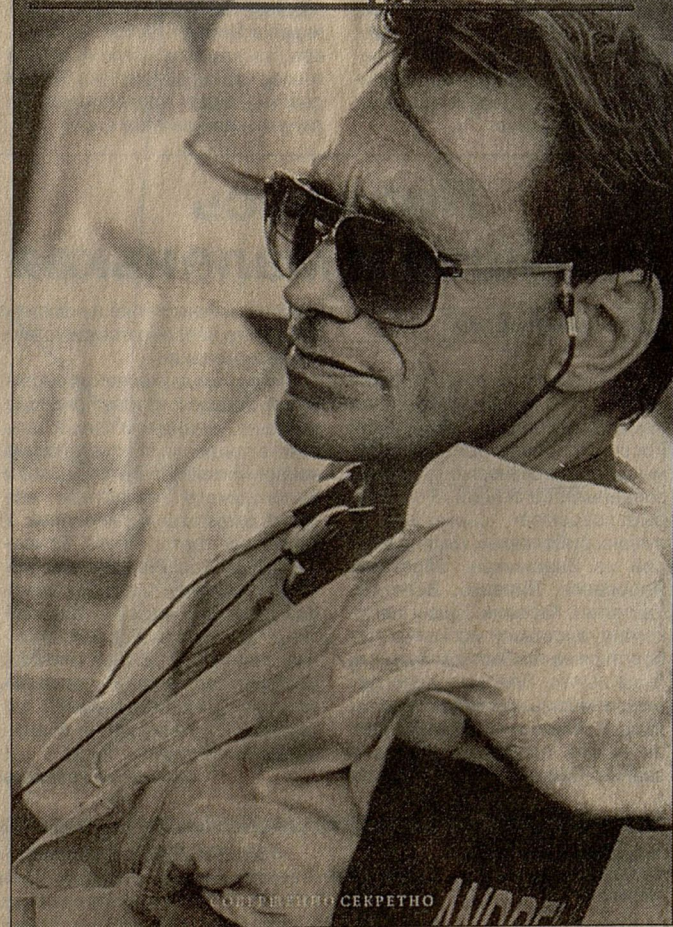
У Кончаловского готов ответ: «...может, люблю я не себя, а жизнь, которая живет через меня». Чтобы окончательно победить рефлекссию, автор напоминает евангельские слова: «Возлюби ближнего как самого себя». И тут же их истолковывает: «Эту заповедь можно использовать как некую индульгенцию самому себе, как оправдание любви к себе».

С этой точки зрения вся его книга-исповедь о вкусной и здоровой жизни — индульгенция самому себе. Другое дело, помогла ли она ему вполне, успокоила ли его художническую совесть?

Комплексы

При самоудовлетворенности автора в книге иногда выступают углы его комплексов. Тот из них, что напоминает о ревности к успехам младшего брата, кажется сегодня преодоленным. Старший брат смирился с ролью младшего брата. Осталась, может быть, самая «больная мозоль». Это — Андрей Тарковский. С ним он когда-то начинал (сценарий «Рублева»), не считаясь славой, потом они творчески разошлись... В дилогии он снова и снова возвращается к теме дружбы-вражды с Тарковским. Говорит о подсознательном комплексе вины перед ним. Хотя рациональных оснований

АНДРЕЙ КОНЧАЛОВСКИЙ
ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН

для него нет. Но, может быть, тогда это и есть подсознательное чувство вины перед самим собой за то, что жил и снимал фильмы как-то не так. Может быть, выданной себе индульгенции не хватило...